С другого берега

Этой весной я два месяца жила в Германии по программе обмена. Так случилось, что мое пребывание пришлось и на 8 мая. В Германии это день окончания Второй Мировой Войны, или «День Освобождения». Я с некоторой неловкостью и интересом ждала его, чтобы посмотреть, как двойственная для немцев дата отмечается в их стране. Оказалось – никак. Учителя ни слова не сказали в течение учебного дня. Ученики ничего на эту тему ничего не обсуждали на переменах. В Дрездене не было ни единого плаката, флага, ленточки. Моя подруга на вопрос о том, что для нее 8 мая, удивленно переспросила, что я имею в виду. Этот день был для нее просто одним из многих веселых, теплых, легкомысленных – майских. Сначала я подумала, что это говорит об отсутствии памяти о войне. Но на самом деле все обстоит по-другому.

В Германии действительно нет ни одного государственного выходного, посвященного войне. В России о 1941-1945 говорят как о Великой Отечественной, то есть о той части Второй мировой, которая обернулась для страны миллионами жертв. Для Германии национальной трагедией стало другое – приход к власти Гитлера и возможность осуществления холокоста. Каждый школьник в Германии знает про «Ночь разбитых витрин» – 9 ноября 1938 года, когда военные и простые граждане громили магазины, здания и синагоги, принадлежавшие евреям. Сейчас в эту ночь в домах, в которых жили евреи, ставят свечи перед дверьми или у «камней преткновения». Это маленькие латунные таблички, вмонтированные в тротуар, на которых написаны имена жертв нацизма. То, что немцы говорят больше о режиме Третьего рейха, чем о самой войне, обусловлено и послевоенной историей.

После Нюрнбергского процесса взялись за уничтожение нацистской идеологии в обществе. В кинотеатрах показывали фильмы из концлагерей, и какое-то время их обязательно было смотреть, чтобы получить продовольственную карточку. Немцев делили на виновных и непричастных к режиму, воспитывалось новое, денацифированное общество. Говорить о солдатах вермахта и об оценке военных действий стали только в 2000-х. Поэтому на вопрос «Что вам рассказывают о войне?» немцы уточняют: «О холокосте?». «Мы говорим о холокосте почти на каждом предмете. В девятом и десятом классе Второй мировой войне посвящено много уроков истории. Иногда показывают кадры, снятые в концентрационных лагерях. Когда видишь горы трупов, начинаешь осознавать ужас этого всего. Я помню, как была потрясена и чувствовала себя виноватой, как будто сама совершила эти преступления, – рассказывает ученица одной из дрезденских гимназий, 17-летняя Лиза Бениц. Я думаю, что Вторая мировая война коренным образом изменила наше национальное сознание. Вряд ли найдется немец, который бы сказал, что он гордится своей страной». Немцы любят свою родину, но понятие гордости для них болезненно – это обратная сторона признания исторических ошибок.

Удивительным для меня стало то, что немцы часто проводят параллели между событиями середины двадцатого века и современностью. «Я думаю о национал-социализме, когда слышу в новостях о действиях правых экстремистов или о демонстрациях фашистов. Каждый раз я спрашиваю себя, действительно ли эти люди одобряют то, что произошло в Третьем рейхе и хотят его вернуть, или же они просто не хотят оглядываться на историю», – говорит 17-летняя Эмили Грейфенберг из Саксонии. В Саксонии правый экстремизм действительно является проблемой. Так, 7 октября 2019 года, в еврейский праздник Йом-Киппур, немец с оружием пытался ворваться в синагогу в разгар службы, проводя видеотрансляцию своих

действий.

Но это не единственная параллель. По всей Германии силу набирают правые партии, которые предлагают уменьшить взаимосвязь со странами ЕС и решить проблему миграции из стран третьего мира. В чем их схожесть с националистами? Пожалуй, в популизме агитации. Главная правая партия «Альтернатива для Германии», которая во многих федеральных землях занимает по популярности второе место, известна своими провокационными предвыборными плакатами. Один из них – фотография сзади двух женщин в купальниках и подпись: «Паранджа? Мы предпочитаем бикини!». Общество делится на две части: тех, кто видит «Альтернативу» единственным стоящим представителем от народа, и тех, кто считает ее популярность катастрофой.

Когда живешь обычной жизнью, раскол в обществе чувствуется не так сильно. Политические и исторические вопросы уступают будничным заботам. Поэтому в Германии я не была окружена вопросами вроде: «Что ты думаешь о Второй мировой?». В моей памяти остались только некоторые разговоры – рассказанные за чаем воспоминания. Женщина, в семье которой я жила два месяца, пережила войну – встретила ее в тридцать девятом году трехлетним ребенком. Она рассказала мне однажды вечером о том времени. О том, как они детьми не слушали предупреждений родителей и бегали играть в поле. И о том, как в сорок пятом жители ее деревни пять дней прятались лесу от оккупантов, о стыде за свою историю. За окном было темно, мы сидели на кухне, и буднично-мирное соседствовало со страшным. В тот момент я подумала: не так важно, воспитан человек на рассказах о блокаде Ленинграда или о бомбежке Дрездена. Отношение к войне, человечности у нас схожи.

Полина ЗОБКОВА